

Станислав

— J E M

Станислав

ЖЕМ

Фантастика
и футурология
том I

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
Л44

Серия «Лем — собрание сочинений (Neo)»

Stanislaw Lem
FANTASTYKA I FUTUROLOGIA

Перевод с польского *В. Борисова*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников Станислава Лема
и Агентства Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Лем, Станислав.

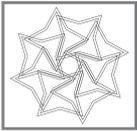
Л44 Фантастика и футурология : [В 2 т.] Т. 1 / Станислав Лем ;
[пер. с пол. В. Борисова]. — Москва: Издательство АСТ,
2024. — 512 с. — (Лем — собрание сочинений (Neo)).

ISBN 978-5-17-162466-8 (Т. 1)
ISBN 978-5-17-160080-8 (общ.)

В этот двухтомник вошла уникальная по своему замыслу и объему монография, исследующая множество проблем, возникающих при соприкосновении фантастики — безграничной игры воображения и футурологии — науки, ответственной за каждый свой постулат.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

© Stanislaw Lem, 1970
© Перевод. В. Борисов, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Предисловие

Если написать монографию, которая исчерпывающе рассказывала бы о какой-то области человеческой деятельности, сегодня еще возможно, то вряд ли это сможет сделать отдельный человек в недалеком будущем. Таково футурологическое пророчество, которым можно начать введение.

Тем не менее, люди пишут монографии, потому что для этого есть множество тактик: во-первых, можно опереться на плечи предшественников или хотя бы частично воспользоваться выводами, сделанными в их работах, можно это сделать в форме компиляции или полемики; можно, наконец, вместо скрупулезного анализа действительного положения в избранной сфере человеческой деятельности просто описать, как ситуация **должна** складываться в соответствии с высшими целями монографии. Являясь самозванцем в данной области, спешу заверить, что я последовательно отвергал каждый из вышеназванных приемов, но делал это не по здравому размышлению, а по необходимости.

Эта книга, как видно из названия, имеет двоякое намерение: она исследует литературу, известную как научная фантастика, в поисках следов предсказания того, что когда-нибудь может произойти. Такими предсказаниями, по определению отделенными от художественного творчества, занимается сегодня футурология, одна из молодых дисциплин, шумно претендующих на научный статус. Первоначально я намеревался написать книгу в двух частях: первая посвящена была бы решению вышеуказанной задачи, то есть поискам чего-то футурологического в фантастике, вторая же, наоборот, должна была выискивать элементы

фантастичности на внелитературной футурологической территории. Однако работа, несмотря на все усилия удержать ее в заданных рамках, разрослась до неожиданных масштабов и одновременно обрела незапланированную самостоятельность. Она стала такой большой, что вторую часть проекта пришлось на время отложить; я хочу вернуться к ней после соответствующей подготовки. Тем более что в данном случае подготовка необходима во всех отношениях. Ведь и так существенные мировые достижения интеллекта и литературного творчества рассматриваются под микроскопом и рассекаются скальпелем; избыточность материала требовала ограничений, а так как и научная фантастика, и футурология зародились в Америке, то творчество американцев (то есть англосаксов) прежде всего пало жертвой рассмотрения. Таково первое ограничение поля зрения.

Примерно тридцать последних лет в Соединенных Штатах ежегодно издается до пятисот научно-фантастических книг. Общее число изданий за это время достигло впечатляющей цифры 15 тысяч. Кроме того, там выходят ежемесячники и другие периодические издания, публикующие исключительно фантастику. Я знаю десяток таких изданий, хотя их значительно больше; средний объем такого журнала около 130 страниц. Таким образом, за тридцать лет фантастикой заполнено от трех до трех с половиной миллионов страниц. Простой расчет показывает, что, если читать по **сто** страниц фантастики ежедневно, необходимо будет прожить ровно сто лет и ничего не делать, а только поглощать все, что создано в этом жанре. Но ведь авторы продолжают писать; поэтому, не говоря уже о таких мелочах, как потребность в сне, питании, во времени, уходящем на болезни и прочие естественные недомогания, мы видим, что в безграничном Звездном Космосе помаленьку прорастает другой, но почти такой же безграничный бумажный космос. Собственно, какая разница, измеряется ли то, что все равно превосходит наши возможности усвоения, в парсеках и гигатоннах или всего лишь в метрах и килограммах? Мы действительно слишком большое значение придавали объему Science Fiction¹. Не менее

¹ Science Fiction — научная фантастика (англ.).

30 процентов наименований — это книжные публикации произведений из периодических изданий, переиздания одних и тех же книг и т. п. Учитывая это, уже и семидесяти лет хватит, чтобы справиться с этими фантастическими Гималаями. А дальше, как ни занижай цифры, меньше чем пятьюдесятью годами не отделаешься. Какой же позорной кажется по сравнению с приведенными цифрами возмутительная лень автора этой книги, который, ознакомившись всего лишь с 62 тысячами страниц Science Fiction в книжных изданиях и с 8500 глянцевыми страницами журналов, осмеливается браться за написание монографии предмета! Похоже на попытку произвести на свет учебник анатомии человека, основываясь на поверхностном знакомстве с мизинцем ноги.

По крайней мере, столь бессовестной представляется на первый взгляд ситуация. Оборонительные укрепления я мог бы построить двумя способами: или объяснить, что в ту ничтожную цифру трехсот с небольшим наименований книг, с которыми я ознакомился, входят тщательно процеженные сливки жанра, или что родившиеся по непреложным, пока тайным законам, первые тридцать тысяч страниц фантастики поразительно похожи на остальные многие тысячи страниц всего этого массива.

Больше ни слова: щепотка правды есть в обоих способах обороны. Но как человек, требовательно — иногда, во всяком случае, — относящийся к своей работе, я наверняка неустанно продолжал бы читать все новые и новые произведения, если бы не то обстоятельство, что ко многим **тысячам** из них у меня просто не было доступа. Но именно эти библиографические сложности, вызванные тривиальным книжным дефицитом, пошли мне на пользу. Хотел я этого или не хотел, но вынужден был себя ограничивать; отдавая же себе отчет в том, насколько это неправильно, я подвергал имеющиеся в моем распоряжении тома невообразимым анализам и пыткам, чтобы выжать из них информационный, жизнетворный сок. Качественно патологоанатомических работ я стремился компенсировать скудность количественной базы исследований.

Исключительно благоприятным оказался для меня и тот факт, что, кроме критических статей, рассыпанных по журналам,

и устаревшей уже книжки Кингсли Эмиса «New Maps of Hell»¹ (устаревшей, потому что была опубликована в 1960 году), у меня не было **ни одной** монографии, посвященной этой ветви литературы. Что может быть соблазнительней желая опереться на готовые анализы, выкладки и обобщения твоих предшественников, и что может быть в то же время более непристойным! Занимаясь проблемами мушиной ножки или жвал, один энтомолог может спокойно опираться на выводы другого энтомолога, который во благо науки собственноручно препарировал данный экземпляр. Но ничто не может заменить личного прочтения литературного произведения, потому что хотя сами тексты, которые подаются в сокращенном изложении другого исследователя, ничего не теряют по своей значимости, к литературе относятся уже только по недоразумению. Таким образом монографии, к которым у меня не было доступа, уберегли меня от тяжкого искушения воспользоваться готовыми плодами чужого труда. Воистину как недостаток денег удерживает от лубога и, как правило, расточительного разврата, так и недостаток информации может, как видим на данном примере, поддерживать и укреплять добродетель.

Кроме того, нездоровым явлением в литературе является прислушивание к голосам авторитетных критиков. Пусть и отсутствует низкое желание украсть их изящные формулировки, блистающие огранкой высокого стиля, а может, и мысли; тем не менее готовые суждения об авторах и произведениях могут запомниться и незаметно стекать потом с пера, будто свои собственные, выношенные. Всего вышеперечисленного мне удалось успешно избежать. Я ничего не позаимствовал, потому что неоткуда было; все суждения, оценки, замечания, анализы принадлежат мне, за все я должен, хочу я этого или не хочу, нести ответственность. После этих вступительных объяснений я должен рассказать, как задумывалась эта книга.

Как мы уже знаем, она не является бескорыстным путешествием по странам литературной фантазии. Я туда отправлялся с явными, даже слишком явными намерениями. Раскрывает их второе слово в заглавии книги. Речь шла об изучении связей,

¹ «Новые карты ада» (англ.).

возможно, — заранее я не мог этого утверждать, — роднящих фантастику, как безответственную игру воображения, с футурологией, ответственной за свои положения в той же степени, в какой несет за это ответственность любая научная дисциплина. Но и на этот раз мне удалось хотя бы частично сохранить добродетель. Я не ставил перед собой задачи бросаться на любой текст как на пригоршню информации, возможно футурологического содержания, но в чрезмерно красивой упаковке из многословия различных там диалогов и описаний. Мне не хотелось вследствие такого антиэстетического намерения оказаться слепым к красотам фантазирования, которое никогда не впрягалось в составление гороскопов. Мне грезилась высшая справедливость: как я раскрываю лучшие и самые сильные стороны исследуемых книг. Однако эмпирический патронат мог обозначить только рамки всесторонней классификации исследуемого материала, и я лишил его права на исключительную применимость. В поисках информации о реальных проблемах мира я мог опираться на уверения в наличии такой информации, содержащиеся в самих изучаемых книгах. Однако анализ проекта в целом позволял предполагать, что, если я буду поступать именно так, то есть отмеряя справедливость воображаемому по законам воображения, а футурологическому по законам прогностических методов, книга распадется на отдельные бессвязные фрагменты. Чтобы избежать такого растрескивания книги, я начинаю экспедиционные работы с чисто литературного ключа, используя структуралистские, аналитические и семантические операции; эту зацепку я стараюсь удерживать, пока не кончится ее время, а потом контрапунктом появляется вводимая малыми дозами внелитературная, то есть цивилизационная и культурная проблематика, сначала пиано, потом форте и, наконец, в финале вытесняя и подавляя начальную тему. Я не знаю, получилось ли так на самом деле. Я лишь рассказываю о том, как должно было быть.

Читатель, который, возможно, уже знает мои книги, не относящиеся к беллетристике, не удивится, что линия главной темы во многих местах изгибается различными отклонениями. Во вступительных главах, где говорится еще не столько о самой

Science Fiction, сколько о теории произведения с литературоведческой точки зрения, ведутся маршевые стычки и даже острейшие схватки со структурализмом как критической школой. Эти столкновения бывают весьма энергичными, хотя именно в этих главах сам я, будучи дилетантом, пытаюсь разделять фантастику скальпелем структурализма. Здесь не место для объяснений этого противоречия: надеюсь, что сам текст внесет ясность во мнимую антиномию моего поведения. Уместно только такое, очень общее замечание. Научный метод сводит воедино разнородность явлений, вроде бы не состоящих в родстве, исследуя их общие черты. Молния пронзает небо; шерсть кота, если его погладить, искрится в темноте; на солнце есть пятна; радиоприемник работает — это совершенно разные феномены, но их электромагнитный принцип один и тот же. Структурализм аналогичным образом в литературных текстах от Яся и Малгоси до Джойса и Роб-Грийе обнажает скелет произведений и ищет в них общее. Но как искры с кошачьего меха не дают представления обо всем коте, как анатомия солнечных пятен не объясняет всех звездных процессов, так и откровения структурализма, объясняя нам одно в произведениях, о другом молчит. Структуры произведений нужно исследовать. Это скелетные образования, столь же необходимы для организации произведения, как ребра, позвонки и берцовые кости наших друзей, определяющих их телесное существование, поскольку вне всякого сомнения все мы являемся позвоночными. Однако как различия в строении скелетов не определяют различия индивидуальностей, так же дело обстоит и со структурой произведения. Книги не могут ни родиться на свет, ни существовать без структуры, но не тем позвонкам и ребрам, которые в них гордо находит структуралист, они обязаны своей **индивидуальной** красотой. Недаром говорят (иногда с большой долей преувеличения), что ценность произведения искусства определяется совокупностью отличий его от всех других произведений. Я говорю об этом, исходя из практического опыта, ведь скальпель структурализма обнажает то, что является общим для всех произведений определенного вида — в данном случае фантастического. Однако то, что отличает выдающиеся произведения от просто слабых, при струк-

турном вскрытии упускается из виду. Это значит, что для структуралистского метода все произведения одного жанра **безусловно** похожи, как, например, для анатома похожи все кости одного вида животных. Именно поэтому в первых главах книги рассматривается остеология фантастики и демонстрируется инструментарий структуралистского метода. Следующий поворот — это переход от анализа к синтезу, а именно: от структурального уровня к проблемному. Спешка при таком маневрировании представляется нежелательной. Мы предпочли бы постепенный переход, но ответственности за разрыв, который распространяется между двумя уровнями рассмотрения, я не несу: такова ситуация в литературоведении, что от структуральной остеологии нет непрерывного перехода к теории литературного произведения как организма, сформированного неким **неповторимым** способом. Кстати говоря, биология находится в не лучшей, чем литературоведение, ситуации, но с одним принципиальным отличием: в биологии четко просматриваются присущие ее методике ограничения, и о них открыто говорят. Поэтому (после периода первоначального сопротивления) на территорию биологии свободно допускаются разведчики от точных наук, прежде всего от математики и физической химии, что идет только на пользу; в такой ситуации — наличия инспециализированных соединений на территории какой-то науки — необходимо одновременно избегать двух крайностей. Нельзя выбрасывать на свалку то, что было фундаментом прежней методике, но нельзя также то, что предлагается взамен или хотя бы в поддержку старой методике, объявлять универсальным философским камнем или лекарством на все случаи жизни. Ведь возникновение биофизики не означает ликвидацию всего набора традиционно биологических подходов и понятий, как и сама биофизика — это не какой-то акт вредительства, направленный против биологии. Просто необходимо достаточно хорошо ориентироваться в принципах общей методологии, чтобы уметь отличать эклектизм от комплиментарности исследовательских методов, то есть мешанину различных аналитических методов и систем измерений, которые **стали** неподходящими, от гармоничного сочетания различных методик в едином про-

странстве исследований. В гуманитарных науках по-другому: здесь все еще господствует тенденция (напоминающая религиозные войны Средних веков) универсализации в качестве исследовательского направления единой первоначальной школы, из-за чего любые попытки помощи со стороны других научных дисциплин воспринимаются не как вмешательство с целью устранения отдельных устарелых методов исследования, а как агрессия, направленная на уничтожение самой гуманитарной науки. Мы практически пытаемся, насколько это для нас вообще возможно, избежать обеих указанных крайностей.

Теперь несколько слов о противоречивых тенденциях, которые выявились в процессе написания этой книги, и о способах их преодоления или хотя бы смягчения. Я хотел избежать как бесконечных обобщений под впечатлением огромного монолита книг, названия многих из которых здесь даже не упоминаются, так и слишком часто заниматься изложением содержания и анализом отдельных произведений.

Необходимо было стабилизировать высоту полета, что не всегда удавалось. Но в любом случае текст основывается на изучении намного большего количества книг, чем число упомянутых названий. Присущей библиографу страсти расширять до бесконечности список названий я пытался избежать и старался приводить названия, репрезентативные для рассматриваемого направления. Но и так их было слишком много. Так что мне пригодился бы во время работы один из тех огромных институтов, которыми располагают американские футурологи, вместе с множеством сотрудников, выполняющих роль первичных и селективных фильтров, а также пара мощных компьютеров, чтобы их машинная память могла поддержать мою. Однако на подобную помощь я не мог рассчитывать и не располагал ни одной ЭВМ, если не считать того компьютера, даже не электронного и не транзисторного, а по-старомодному сконструированного из различных белков и липидов, который я всегда ношу с собой. В какой степени этому кустарному устройству удалось справиться с дерзкой целью, обозначенной самим названием книги, судить Читателю.

И наконец о моих собственных фантастических произведениях, цитируемых в этой книге. Я долго думал, имею ли я право включать их в текст книги, и в конце концов пришел к выводу, что у меня такое право есть. Самоанализ — всегда дело весьма деликатное, но в этом случае я предпочел для пользы дела отказаться от возможных предостережений. Если бы даже я отказался от использования собственных произведений, я не смог бы избежать влияния практического опыта, накопленного на литературной ниве. Тогда я не только оторвал бы мой частный писательский опыт от моих же книг, которые вследствие публикации превратились в публично доступную информацию, но и лишился бы возможности использовать конкретные примеры, иллюстрирующие отдельные выводы. Я не смог бы убедительно показать, в чем состоит кабинетная работа, если бы ничего не рассказал о том, какая заготовка лежала на рабочем столе писателя и как она обтачивалась до нужных размеров. В любом случае такие упоминания не могут претендовать на роль эталона, вроде того идеального метра, который в виде платиново-иридиевого слитка хранится в Севре под Парижем и некогда служил мировым эталоном длины. Функции такого самоанализа иные. Во-первых, они обращены на то, замалчивание чего я посчитал делом бессмысленным, как если бы я был только критиком, который лишь теоретически занимается обсуждаемым видом литературы, не обладая практическим писательским опытом в этой области. Во-вторых, я на собственном примере показываю, как в процессе писательской работы может произойти искажение первоначального замысла. В-третьих, мне показался поучительным феномен схожести некоторых моих текстов с типичными темами в области Science Fiction при условии, разумеется, параллельного и независимого процесса творчества; много раз я убеждался, написав какую-либо книгу, что вовсе не являюсь первооткрывателем использованной в ней концепции. Такие совпадения весьма поучительны, так как свидетельствуют о том, что конфигурационная сфера воображения не является в данный период территорией безграничной свободы, если, находясь в отдаленных в географическом или культур-

ном смысле точках Земли, разные люди могут приходить к сходным мыслям.

В то же время за этой монографией не скрывается моя писательская автобиография. Ведь о том, как соотносятся друг с другом мои различные тексты, как они влияли друг на друга, как одни вытекали из других, как отдельные, возвращающиеся представления приобретали различные формы выражения, как и какие семантические поля они создавали в совокупности, я вообще не писал, так как не считал это уместным. Собственные произведения я использовал от случая к случаю, иногда как позитивные, иногда как негативные модели решения какой-либо дилеммы, то есть пользовался ими как инструментами для решения основной проблемы, но не соотносил проблему с качеством собственных произведений. При этом я нещадно рубил свои произведения на цитаты и совсем необязательно обращался к наиболее удачным работам, потому что мое творчество должно было послужить на пользу монографии, а не себе. Я столько других писателей распотрошил, пользуясь структурными методами или проблемным сопоставлением, что обойти самого себя я уже никак не мог.

На мне лежит еще приятная обязанность хотя бы символически заплатить долги людям, которые оказали мне всевозможную помощь в процессе написания этой книги. Выражаю благодарность пану Рышарду Хандке из Варшавы за предоставленную мне в машинописной копии еще до публикации в печати книгу «Польская научно-фантастическая литература», господину Францу Роттенштайнеру из Австрии, который щедро и великодушно снабжал меня литературой Science Fiction, составлял для меня библиографические справки и пересылал мне комплекты посвященного мировой фантастике критического журнала «Quarber Merkur»¹, главным редактором которого он и является, господину Хансу Альперсу из Бремерхафена, редактору ежемесячника «Science Fiction Times»², который систематически

¹ «Кварбский Меркурий» (нем.), название журнала происходит от долины Кварб, в окрестностях которой проживал Ф. Роттенштайнер, когда начинал выпускать этот журнал.

² «Время научной фантастики» (англ.).

пересылал мне это издание, а также господину Джону Фойстеру из Мельбурна, редактору журнала «Australian Science Fiction Review»¹ и господину Вольфгангу Тадевальду за помощь в поисках наиболее труднодоступных работ в области SF и футурологии. Книгами, статьями и необходимой информацией меня снабжали также писатели и знатоки фантастики из Советского Союза, из которых я назову только госпожу Ариадну Громову и господина Рафаила Нудельмана; я не могу привести полный список сторонников фантастического дела, иначе данное предисловие стало бы похоже на международную адресную книгу, но всех тех, имена которых мне здесь даже не удалось привести, я от всего сердца благодарю за помощь.

Краков, май 1969 г.

¹ «Австралийский обзор научной фантастики» (англ.).